



Король 007

О новом «шедевре» Голливуда

Учитель: "Дети, запишите предложение: "Рыба сидела на дереве".
Ученик: "А разве рыбы сидят на деревьях?"
Учитель: "Ну... Это была сумасшедшая рыба".
Братья Стругацкие.
Понедельник начинается в субботу

МНЕ БЫ НИКОГДА не пришло в голову пойти на фильм с названием "Русалка и дочь короля", если бы я не прочитала аннотацию, гласившую, что король тот не сказочно-придуманный, а вполне земной и даже известный — Людовик XIV. Спрашивается, где русалки, а где — Людовик? Выяснилось, недалеко. Итак, режиссёр Шон Макнамара экранизировал фантази-бестселлер Бонды Нил Макинтайр "Луна и солнце", а писательница ничтоже сумняшеся наворотила дивное.

Если в двух словах: Людовик в поисках бессмертия велит поймать русалку, дабы от её энергий получить жизнь вечную. Бред высшего уровня и креативность за пределами стадий. Людовику XIV в целом всегда возло за киновоплощениями, равно как и с помертвным пиаром в виде приключенческих историй и возвеличивающей публицистики. По факту "король-солнце" продолжает светить по сию пору.

Моё поколение женщин прошло через увлечение "Виконтом де Бражелоном", казавшимся более изысканным, чем хрестоматийные "Три мушкетёра" и "Двадцать лет спустя", и если походження д'Артаньяна — это мальнишеское чтиво, то "Виконт..." — наше, девчачье. В общем-то, самого Рауля де Бражелона в трёхтомнике оказалось до смешного мало: всё повествование крутилось возле юного Луи, его любовей и праздников.

Потом фильм "Человек в железной маске" с Ричардом Чемберленом и карамельно-дурацкая "Ангелика", что не отказывала бродягам, но презрела короля. Я видела всех кино-Людовиков, не исключая голливудскую версию "Железной маски" с кумиром тинейджерок Лео Ди Каприо и росселиниевский шедевр "Приход к власти Людовика XIV", где итальянский неореалист явил становление абсолютизма и тоталитарного гламура. Наипаче нных роскошен был носато-чарующий Бенуа Махимизль в драме "Король танцует", обращённой к Жану-Батисту Люлли, однако "солнце" всё одно затмило композитора.

В означенной "Русалке..." роль монарха зачем-то досталась Пирсу Бронсману, хотя его лицо плотно ассоциируется с фразой: "Бонд. Джеймс Бонд". Поэтому Людовик выглядит как агент 007, играющий в капутнике пародию на Ван Хельсинга: длиннополые пальто (sic!), широко расставленные ноги да выражение лица "не влезай — убью" слабо ассоциируются с государем эпохи барокко, но это мало тревожило создателей.

По сюжету в Версаль прибывает внебрачная дочка Людовика — Мария-Жозефа (Кая Скоделарио, сыгравшая в последних Pirates of the Caribbean роль дочери капитана Барбоссы). Говорится, что матерью Мари-Жозефы была сама Луиза де Лавальер. Собственно, у Лавальер от короля действительно в 1666 году родилась дочь, ставшая впоследствии женой Луи Армана принца де Конти, звали её Мария-Анна. Но опять же, мои риторические вопли постоянно тонут в беллетристическом хаосе, заполонившем наши и не наши массмедиа. Какая разница, кого и от кого родили в том Версале, если у них там "русалка на ветвях сидит"? Вернее, плавает в специально оборудованном подвале.

Не обошлось без того, что в патристической прессе именуется "либеральной повесточкой": фрейлиной к Мари-Жозефе представляют умненькую и добрую негрятяночку, а сама главгероиня спешит доказать миру — и своему отцу, что девушки не только разумны, отважны, круты, но и сочиняют музыку лучше мужчин. В этой несмешной фантазматории музыку пишет именно дочь короля. Видимо, фигура Люлли оказалась не слишком толерантной, и родоначальнику французской классики не помог даже гомосексуализм.

Генеральная тема звучит в духе тиражируемого BLM: жизни русалок важны. И Мари-Жозефа, прокричав сей лозунг в лицо Бонду-Людовику, бежит спасать инаковое существо, заручившись поддержкой braveго капитана Ива де ла Круа, с которым у принцессы — чувства. Так что дочерь короля ударила из Версала с моряком да русалкою и не становится жертвой matrimониальных игр его величества. Это любю, что с мужиком, а не той негрятяночкой-фрейлиной, и русалку-то они отпустили, как Старик — Золотую Рыбку. Уплыла русалка от Людовика, да и он под конец понял, что mermaid lives matters.

Сказать, что костюмы были ужасные — это не сказать ничего. Все положительные герои похожи на роковер и Арагорна: кожаные плащи, сапоги, романтические лохмы, все гадые — на карикатурных стилей: яркие шмотки и чуть выбритые височки при взбормотанном. Никаких париков аллонжей и штанов юклат, жестокозоров и рингравов не наблюдалось. Женщины — того отстране. Какое-то убогое дефиле в провинциальном доме мод. Где уборы а-ля фонтанк? Где распашные платья с двумя пышными юбками, у которых вторая локно драпировалась и ниспадала эффектными складками на первую? Где алансонское кружево и драгоценное шитьё? Мы наблюдаем нечто, пошитое не то из занавесок, не то из того, что осталось от какого-то предыдущего проекта, состряпанное "из остатков шёлковых лоскутков", как роза у шварцевской Золушки. Ощущение, что экономии буквально на всём. Это бывает, когда на роль зовут мегазвезду типа Бронсана и всё остальное идёт по принципу "освежим просрочку листиками салата" и "третий сорт — не брак". Фасады Версала, смонтированные при помощи компьютерной мышки, не производят "вау-эффекта", заметна лишь кропотливая работа дизайнера, исключаяющая естественность. В целом фильм — никакой, как и 99 процентов современной кинопродукции. Виртуальные миры, косо-криво сочинённая история, одномомерные истины, актёрство без огонька. Одно радует: у нас фильмы плохи, а у них — такие же.

Галина ИВАНКИНА

Иллюстрация: кадр из фильма «Русалка и дочь короля» (2022 г.)

Следопыт ВРЕМЕНИ

К 80-летию со дня рождения Константина Васильева

ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ Константину Алексеевичу Васильеву (03.09.1942 — 29.10.1976) было отмерено чуть больше 34 лет. А с момента его трагической гибели на железнодорожном переезде в Зеленодольском районе нынешней Республики Татарстан (тогда — Татарской АССР) прошло уже чуть ли не полвека — причём далеко не самых спокойных, далеко не самых светлых для отечественной и мировой истории.

Мать дала своему первенцу имя Владислав, полностью славянское, "владелец славы", так его и зарегистрировали в немецкой комендатуре Майкопа. А Константином его назвал уже отец, вернувшийся в освобождённый от оккупантов город, то есть с другим именем будущий художник прожил минимум пять месяцев. Может быть, это и незначительный момент, но мотив "иной жизни", "параллельной жизни" в творчестве и миропонимании Константина Васильева оказался необычайно силён.

У отца он был очень поздним ребёнком. Как утверждается, сам Алексей Алексеевич родился в 1897 году, был участником Первой мировой и Гражданской (воевал в составе 25-й "Чапаевской" дивизии) войн. Мать Клавдия Пармёновна, в девичестве Шишкина, по семейной легенде — из рода, к которому принадлежал знаменитый художник-пейзажист Иван Иванович Шишкин, была почти на двадцать лет моложе отца.

Талант — это страшная сила. Произведение массы (инерции) на ускорение приводит к чудовищным перегрузкам. А гений — талант уже в квадрате или в кубе. Васильев всегда был недоволен собой, своим творчеством, но никогда не пытался бросить свой крест — крест художника — и нёс его до конца. Он мыслил себя прежде всего художником. Даже не человеком, а художником. Рисовал он (за исключением нескольких периодов творческой самоаннигиляции, явно связанных со смертью сначала отца, а затем сестры) непрерывно.

"Художник испытывает наслаждение от соразмерности частей, наслаждение при правильных пропорциях, неудовлетворение при диспропорциях... Человек науки выражает в числах законы природы, художник созерцает их, делая предметом своего творчества. Там — закономерность. Здесь — красота", — говорил Константин Васильев.

Неудивительно, что ритмы ускорения его мысли и руки помогала находить, гармонизировать и пережить музыка — понятный почти всем людям язык без слов. Для Константина Васильева симфоническая музыка была необходимым условием выживания. ...

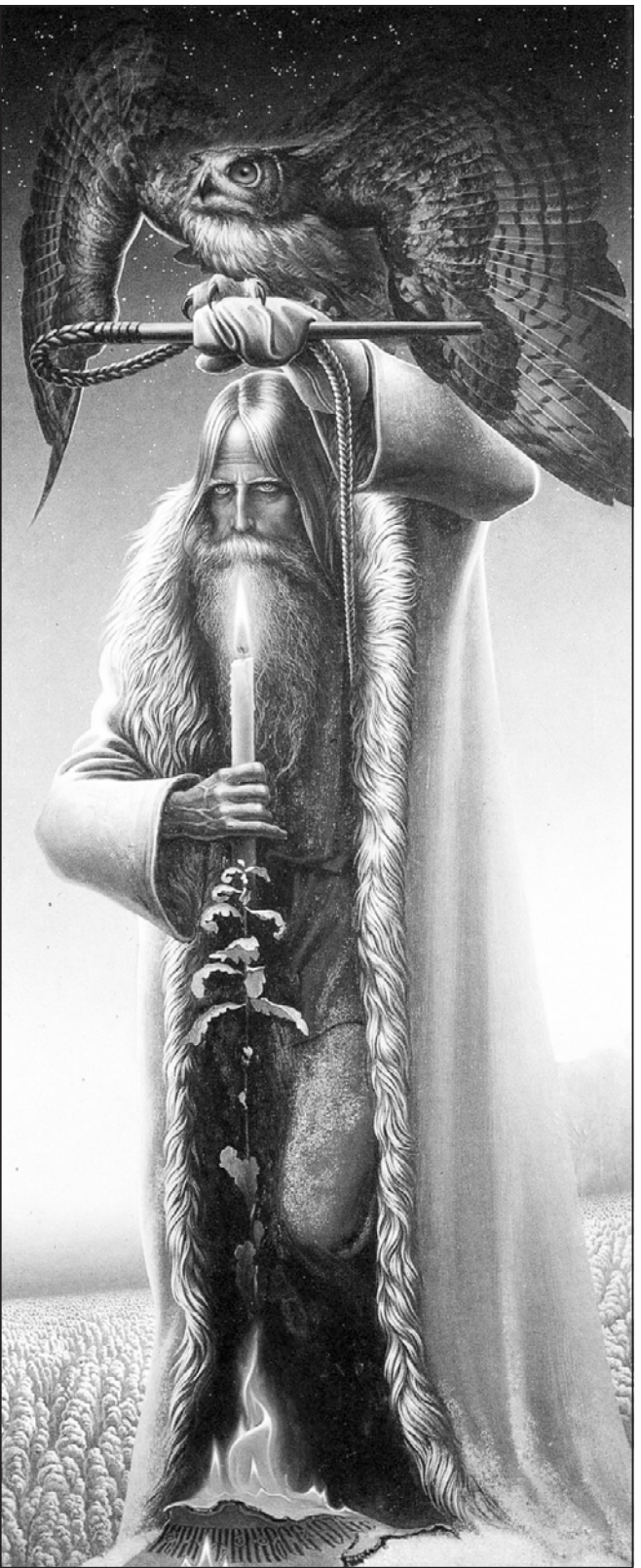
МОЖНО СКАЗАТЬ, что судьбу Константина Васильева, и человеческую, и творческую, во многом определил системный кризис советского общества, его целей и ценностей, пришедший как раз на двадцатилетие 1956–1976 годов, с XX-го по XXV-й съезды КПСС, в принятую сегодня хронологию — от "оттепели" до "застоя". Почему-то не принял он для себя как образ будущего обещание коммунизма "нынешнему поколению советских людей". А потому не принял ни соответствующие образы настоящего (несмотря на то, что поработал художником-оформителем на разных предприятиях, даже представить его работы на текущую производственную или бытовую тематику не получается, всё равно что портрет валькирии на Доске почёта с передовиками соцсоревнования), ни образы прошлого.

Найти более "несоветского" художника по духу своему, чем Константин Васильев, в его времени, среди его современников, как представляется, просто невозможно (нет, "антисоветский"-то — превеликое множество, но это, как сейчас принято говорить, совсем другое). Из этого неприятия родом все его художественные "фантазии", не только прошлого касающиеся. Он был следопытом не только прошлого, но настоящего и будущего, не просто "шёл по живому следу", но оживлял созданные им самим следы.

Трудно сказать, что конкретно было тому причиной, но причина точно была, причём прочно, неразрывно, наживо и намертво связанная с глубинной, корневой сущностью самого художника, протекающей в творческую личность его "я", уже доступную внешнему созерцанию, в те "цветочки" и "ягодки", которыми являются его картины. Опять же, нельзя исключить, что, проживи Константин Васильев ещё хотя бы лет десять-пятнадцать, он, может быть, нашёл бы для себя и точку опоры, и точку равновесия с современной ему реальностью, и пресловутое "неоязычество" в его творчестве приобрело бы несколько иное значение и вес, но всё это сегодня и навсегда — лишь предположения, не более того, а жизнь художника оказалась своего рода метафорой грядущего полёта любимой им России (не Запада и не Востока, но Севера), полёта в пропасть или полёта через пропасть — это выясняется только сейчас, сегодня.

А тогда очень многое представлялось и воспринималось всего лишь как игра: интеллектуальное и образное моделирование "понарошку" некоего иного, желаемого в иных пространственно-временных "хронотопах" мира, — не более и не менее того. Но ставкой в ней всё равно была и оставалась жизнь. Пространство

Печатается в сокращении, полный текст — на сайте zavtra.ru



Константин Васильев «Старик с филином» (1976 г.)

СОБЫТИЕ

Мы возвращаемся в Историю —
всему на свете вопреки.
И нам кричат, что нет, не стоило
На битему поднимать полки.

Мы снова стали неудобными,
Мы снова встали в полный рост!
Берём своё, родное, кровное.
Наш выбор радикально прост:

Собрать разбросанные камни,
Собрать себя из тех рук,
В которых мы, казалось, танули,
Где ты — один и я — один...

Но, рождены земли просторами,
Где бродит воляная гроза,
Мы возвращаемся в Историю
Сказать своё большое "Да!"

Киевский вокзал

Давай пойдём на Киевский вокзал,
С которого нам в Киев не уехать...
Мне кое-кто сегодня рассказал,
И смысла нет

держат в большом секрете,

Что Киев — наш,
осталось только взять,
Что нас там ждёт
с надеждой и тревогой.

С надеждою на вежливого рать,
Тревогого, что ждаты придётся долго.

Прекрасный, бесконечно русский град
Под властью обезумевшего сброда.
И кто теперь доволен, кто же рад,
Что обернулась бойне свобода?!

Да, мы придём, как много лет назад —
Под ветра вой и шорохи лесные,
Ведь тысячи и тысячи солдат
Приказа ждуть отправиться на Киев.

На Киевском вокзале, как всегда,
Лишь стоим мы у табла большого.
Не наши уезжают поезда.
Но... подождём немного.
Наши — скоро!

НА БЛОКПОСТАХ

На блокпостах — сиянье горных крыл
И крепкий чай, белёсый от соусники.
Следы в сёдой теряются позёмке,
И каждый след по-своему простыл.

Тревожный взгляд, неснеспяний разговор
Под дальний "шум" и шорохи стелпные.
Там ходит кто, или метнулись крылья
И унеслись за старый террикон?

— Кто здесь? — Да тут стоял один.
Он родом, говорят, из Краснодона.
Пришёл в чём был,
ответ по поэвному...

Вон, за приюорком несколько могил.

А землю укрывает снегопад,
И белые куда-то едут фуры.
Продолгие крылатые фигуры
На блокпостах заснеженных стоят.

ЖЕНЩИНЫ

Кому-то этого никогда не понять —
Этих женщин

в пустынном военном городе.
В подвалах, в очередях за водой.
Здесь остающихся,
выживающих впроголодь.

Здесь отличающих
еходящий от исходящего,
Детей рожавших под обстрелами...
А вы видели, как шутят, смеются они,
И себя не считают особо смелыми —

"Это наш город, мы никуда не уйдём.
Пусть эти уходят, мы их не звали!"
Дети собирают осколки в саду
И учат уроки при свете свечи в подвале.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ КРЫМА

Я не знаю, в какой мы области,
Бесконечность зелёного цвета,

Эта трасса видела многих,
Мы ведь тоже на ней проездом.
Завтра раны залечит поле
И посадки проснутся лесом.

На танцполе безопасных мест
Не осталось, и бледнют лица.
Это время с хрустом нас поест
Под холодный свет огней столицы.

Как они безудержно горят...
Слышишь, подступает дискотека.
В этом свете расторгнулся яд,
И провизор давится от смеха,

Корчит рожи, масло льёт в огонь
На потеху новостным сюжетам...

История страны моей распята,
А новостные сводки так щедры

На правду и на ложь, и на другое,
И кровь считается
в текста кружевах,
И здравый смысл
тут терпит полный крах,
Бредёт по свету выцветшее горе

Оно ни стран не знает, ни времён,
Знамен не знает,
старости и детства,
И этот мир лишается наследства
И валится в кошмарный новый сон.

На ленте, где встречаются миры,
Бредёт машин тувая вереница:
Кто в лекто, кто пытается укрыться
И знать не хочет правила игры.

За поворотом вырастает лес —
Тревожен, непропазен и уныл.
И тишина, хоть кто-нибудь завыл,
Но ни души на сто миров окрест.

Так промолчи, молчи, молчи.
Весь мир укутал заговор молчанья.
Уходит время в придорожный аравий,
И воздух оглушающе звенит.

И никогда не знаешь, выйдет кто
К дороге из естреконного леса,
Вот потому и не находишь места,
И протираешь рукавом окно.

И никогда не знаешь, кто придёт
И сны твои непрошено разбавит.
Набатом сердце бьёт и убеает
За поворот, за поворот, за поворот.

На третьем повороте взвоет стая
С настоящей тоскою во главе.
Заснешь и будешь
странствовать извне,
Как прежде, ничего не понимая.

ЧЁРНЫЙ ПЁС

По мотивам и под впечатлени-
ем стихотворения моего друга и
единомышленника, русского до-
бровольца Донбасса Павла Кухми-
рова "Чёрный пёс" и написанной на
его текст песни Игоря Сивака.

...проговорить весь день
с дворовым псом,
поднявшимся, как идол, из-под снега.
Прижавший уши, жалок и смешон,
расскажет, по каким задворкам бегал.

За кем ты шёл, иссиня-чёрный зверь?
Кому ты смерть
грядущую пророчил?
Кто на тебя смотрел
в промозглой тьме
На грани городских огней и ночи?

И пёс замрёт, оставившись во мрак,
Глядя во след какой-то дальней тени,
И, не спеша, отправится бродить,
Чтобы из снов явиться перед нею.

АННЕ ДОЛГАРЁВОЙ

Девочка хочет сбежать с войны.
Девочке 30 лет.
Гладит kota, наливает коньяк,
Смотрит на белый свет.

День просидеть, проглядеть в экран,
Кружево мыслей прятать.
Девочка, девочка, дом твой где?
Тихо звучит опять.

Душу согреет в бокале мгла,
Пузо подставит кот,
И, может быть, по другой тропе
Девочка жизнь пойдёт.

Будто и не было ничего,
Словно пуста строка.
Девочка хочет сбежать с войны...
Вроде смогла — пока.

Наталия МАКЕЕВА

Поэтесса Н. Макеева на донбасском фронте

На предельной несёмся скорости,
М4, прости нам это.

Всё живое, а мы — холодные.
С места брошенный
взгляд мой каменный

Разбивает поля дородные
И деревьев стволы хрустальные.

После нас —
листопад и изморозь,
Пятна чёрные в поле стыннут.
Псы голодные реутся с привязи,
Край заброшен и дом покинут.

И любой вопрос глотает он,
Не спеша
поблаговать ответом.

Музыка всё громче, веселей!
Не спеша на радостях напиться.
Слышишь, время ест своих детей
Под мертвящим светом оней столицы.

На третьем повороте точно съест
Тебя тоска и доглодает совесть.
Машина мчит, не сбрасывая скорость,
Из этих мест,
из этих мест, этих мест.

А правил нет.
Жизнь порвана и смята,
История напишется потом,
Когда на пепелище вставший дом
Построит брат, не узнающий брата.